

На правах рукописи

СГИБНЕВА Наталья Фанзиловна

**Нищета как духовное спасение и социальная драма
в древнерусской литературе**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2007

Работа выполнена на кафедре фольклора и древней литературы
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Соболева Лариса Степановна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Кондаков Борис Вадимович**,

ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник **Дашкевич Людмила Александровна**,

Институт истории и археологии УРО РАН

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Защита состоится «___» ноября 2007 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»: 620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан «___» сентября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. В современном мире фигура нищего человека по сути маргинальна. Нищий утратил присущую ему роль в культуре, о чем свидетельствует изменившееся отношение к нему общества: с нищим человеком не принято связывать надежды, ожидания, перспективы, он обречен на одиночество и отчужденность, за исключением прицерковного и кладбищенского нищего, подаяние которому фактически входит в богослужебный ритуал.

Описанная ситуация прямо противоположна той, которая существовала в русской средневековой культуре. Русское Средневековье демонстрировало совершенно иной тип сочувствия к нищим, убогим, неимущим людям. В представлении древнерусского человека они никогда не были изгоями, напротив, своим присутствием (и символическим значением в глазах народа) нищие создавали особую атмосферу, которой было проникнуто древнерусское общество.

Возникновение и существование самого института нищенства связывается с системой христианских верований. Христианство оказало решающее влияние на все сферы жизни древнерусского общества, в том числе и на восприятие нищих, убогих, бедных людей, сформировав особое отношение к ним как к людям, причастным святости. Состояние нищеты в христианстве обрело силу духовной ценности, своеобразной доблести, позволяющей приблизиться к «Царствию Небесному». Нищета стала нравственным идеалом, ведущим к вечному спасению.

Наивысшим образцом, достойным подражания, был провозглашен образ жизни Сына Божьего, который, будучи Царем Небесным, явился на землю в образе нищего. Согласно евангельскому мифу Христос был первым нищим на земле, не имел никакого имущества, не знал, где голову преклонить и при этом призывал не заботиться о пище и одежде, жить, как «птицы небесные», которые «не сеют, не жнут, не собирают в житницы» (Мф; 16:26). В проповедях Иисуса Христа утверждалась самоотверженная готовность к отказу от материальных благ, различных выгод и преимуществ в качестве решающего критерия духовной жизни. Сурово осуждалась забота о завтрашнем дне, жажда обеспеченной, благополучной жизни. Милостыня нищему, убогому, бедному, призрение слепых, сострадание к недужным, слабым, больным представляли главными добродетелями христианина, являлись неотъемлемой чертой религиозного поведения.

Своего рода предшественником Христа в его нищенской ипостаси являлся Адам, который, по библейскому сказанию, пришел в этот мир нагим, ничего не имея. Однако если нищета, нагота, страдания, болезни были ниспосланы Богом Адаму вследствие его грехопадения, утраты им благодатного состояния, то Иисус Христос – «новый Адам», «второй Адам» – изначально предстал перед миром в образе нищего, спасая своим состоянием человечество, искупая грехи падшего человека и примиряя его с Богом. Добровольная нищета, нищета по велению духа – черта, которая особенно выделяется и ми-

фологизируется в образе Иисуса Христа – стала его вольной жертвой, которую он приносил всей своей жизнью.

В древнерусской письменности и народной словесности были активно задействованы и другие образы христианской словесности, воплощающие различные аспекты нищенского **топоса**¹: образ страдающего праведника Иова, которому нищета, болезнь были ниспосланы Богом как испытание, образ убогого Лазаря, нищетой и смирением стяжавшего себе Царство Небесное, образ Алексея человека Божия, отрекшегося в юности от богатства и мирской суеты и до последних дней своей жизни совершавшего подвиг добровольного нищенствования.

Вера в святость нищих и спасительность нищеты очень прочно вошла в сознание древнерусского человека, став неотъемлемой частью его «модели мира», сформировав во многом идеалы, жизненные ценности, формы и стратегии поведения.

Вместе с тем, идеал евангельской нищеты, бесребреничества, не озабоченности завтрашним днем никогда полностью не соответствовал противоречивой реальности. Как показывает исторический опыт, в периоды глобальных социально-экономических трансформаций, всегда сопровождавшихся появлением большого количества людей и даже целых общественных групп, не вписавшихся в крутой поворот общественного развития и находящихся в состоянии глубокой социальной депрессии, актуализировалось отличное от евангельского идеала представление о нищете как драме, трагедии, проклятии. Это представление нередко обострялось и за счет таких внешних, стихийно-природных факторов, как пожары, неурожаи, недороды, падеж скота, являвшихся неотъемлемой частью жизни общества, а также за счет внутренних, индивидуально-личностных причин нуждающихся – неизлечимой болезни, умственных или физических дефектов, возрастной слабости, дряхлости и т.п.

И представление о нищете как духовном спасении, и восприятие нищеты как социальной драмы, трагедии, проклятии – обе этих грани в осмыслении нищеты всегда сосуществовали вместе, при этом на различных этапах исторического развития одна из них становилась доминантной, определяя особенности художественного воплощения, выбор сюжетов, характеристику образов в памятниках древнерусской литературы и народной словесности.

Степень научной разработанности проблемы. Феномен нищеты как явление художественной словесности, по существу, является малоизученным.

---

¹ Современное понимание топоса предполагает комплекс устойчивых глубинных представлений в национальной культуре, имеющих соответствующее сюжетное или мотивное оформление в литературе. Эти представления (топосы) отражают в конечном итоге специфику национальной культуры. Определение дано О. Д. Журавель в статье «К изучению топики старообрядческой литературы: ситуация «отшествование на безмолвие» // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. научн. конф. Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск. 1999. С. 74–84.

Подавляющая часть ранних работ о нищенстве – Е. Д. Максимова, А. А. Левенстима, Д. А. Линева, Д. Дриля, появившихся в конце XIX в., носила общий историко-генетический характер: исследователи фокусировали свое внимание прежде всего на изучении причин нищенства, стремились определить место нищих в социальной структуре общества, типологизировали и классифицировали их деятельность, предлагали различные формы борьбы с нищенством. Некоторые исследователи обращали внимание на связи между нищими и уголовным миром.

Описание генезиса явления постепенно сменилось наблюдениями за поведением нищих, их внутренней жизнью. На рубеже XIX–XX в. появились работы П. В. Шейна, А. Коринфского, Н. Костомарова, М. Забылина, И. Прыжова, представлявшие богатый этнографический материал быта, нравов, образа жизни нищих. Последний даже предпринял то, что в современной социологии называют «включенным наблюдением»: в рубище, с сумой он уходил в среду нищих, бродяг и скитающихся богомольцев, достигая исключительной достоверности своих наблюдений. Наиболее существенными для понимания самооценки, самовосприятия нищих явились труды С. В. Максимова «Бродячая Русь Христа ради» (СПб., 1877) и П. Бессонова «Калеки переходные» (М., 1861), содержавшие целый корпус художественных текстов (пословиц, поговорок, духовных стихов, былин, молитв, песен, преданий), отражавших психологию и житейскую философию «нищей братии».

Позднее, уже в XX веке, исследователи стали активно осмысливать материалы, собранные историками, этнографами, писателями и публицистами конца XIX в., преимущественно сосредоточив свое внимание на изучении художественной ткани произведений в сюжетно-образном, мотивном направлении. Так, например, В. П. Адрианова-Перетц исследовала литературную историю «Жития Алексея человека Божьего»; Г. П. Федотов реконструировал русскую народную веру по духовным стихам, уделив особое внимание двум самым любимым стихам, служащим, по его мнению, прославлению нищенства – стиху о Лазаре и о Вознесении Христа; А. Н. Робинсон рассматривал тему милосердия и нищелюбия в связи с толкованием евангельской притчи о богатом и Лазаре; М. И. Рижский посвятил отдельное исследование ветхозаветному образу Иова. Мир нищих и представления о нищенстве в связи с его крайним проявлением – юродством – исследовался в работах Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Б. А. Успенского.

В 70-е годы XX века появились фундаментальные работы известных медиевистов – А. Я. Гуревича, Фернана Броделя, Жака ле Гоффа, которые изучали представления средневекового человека о нищете, бедности, убогости на материале западноевропейской культуры в мировоззренческом аспекте.

Однако, при наличии разноплановой исследовательской литературы, посвященной феномену нищенства, не существует работы, в которой воплощение данного явления художественной словесности рассматривалось бы в длительной исторической ретроспективе с привлечением разножанровых произведе-

ний. Все вышеизложенное обосновывает выбор темы данного исследования и ее **актуальность**.

Осмысление культурно-религиозных функций нищего, убогого, бедного существенно как для понимания национального топоса русской культуры, так и для раскрытия граней национального самосознания. Изучение топики древнерусской письменности имеет давние традиции в отечественной науке и остается актуальным по сей день: широко известны работы В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, А. С. Орлова, О. В. Творогова, В. М. Живова, А. М. Панченко, О. Д. Журавель и др.

Объектом исследования является феномен нищеты в памятниках русской литературы конца XI – начала XVIII в. и народной словесности.

Предмет исследования – своеобразие художественного воплощения топоса нищеты в связи с особенностями национального историко-литературного процесса.

Материал исследования. Диссертация написана на основе изучения как оригинальных, так и переводных памятников русской литературы конца XI – начала XVIII в., рукописных и старопечатных книг в изданиях XVII века, а также фольклорных текстов, введенных в научный оборот с конца XVIII века.

Цель исследования – раскрыть своеобразие художественного воплощения топоса нищеты в памятниках литературы конца XI – начала XVIII в. и народной словесности.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих **конкретных задач**:

1. Проанализировать понятия «бедность», «убогость», «нищета» и связанные с ними содержательно «изгойство», «сиротство» в языковой картине мира русской культуры.
2. Определить круг воззрений и обрядов, связанных с образом нищего в народной культуре.
3. Раскрыть семантическое наполнение топоса нищеты в христианской апологетике и народном православии.
4. Выявить образное воплощение топоса нищеты в ряде фольклорных жанров – сказках, духовных стихах, эпосе.
5. Определить развитие художественного воплощения топоса нищеты в различных жанрах литературы Древней Руси конца XI–XVI в.
6. Определить противоречивое толкование образа нищих в произведениях Переходного времени (XVII – начала XVIII в.) на фоне реализации государственной политики в отношении нищих.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые выявляется своеобразие художественного воплощения топоса нищеты в памятниках литературы конца XI – начала XVIII в. и народной словесности. Данное явление художественной словесности рассматривается в работе в длительной исторической ретроспективе с привлечением разножанровых произведений. К

изучению привлекаются как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот тексты поэтического и нарративного характера.

Методологическую и теоретическую базу диссертации составляют работы отечественных и зарубежных исследователей в области средневековой литературы, христианской апологетики, устно-поэтического творчества, этнографии. В основу работы положен принцип системного подхода, который предполагает изучение материала в его целостности через связи различного характера. Изучение исторических корней образности в соединении с представлениями о развитии и функционировании топоса нищеты в народной словесности, в литературе Средневековья и переходного времени сочетаются с исследованиями текстологического характера. Обращение к сравнительно-типологическому методу позволяет раскрыть взаимосвязи поэтики текстов с литературной и фольклорной основой. В анализе отдельных текстов и их сопоставлении на уровне поэтики используются приемы структурно-семиотического и мотивного анализа. Существенным оказывается и обращение к герменевтике, предполагающей не только интерпретацию текста, но и реконструкцию его места в духовной истории человечества.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Нищенство в Древней Руси никогда не было только социально-экономическим явлением. Топос нищеты всегда отражал жизненно важные нравственные и мировоззренческие установки древнерусского человека. Являясь неотъемлемой частью «модели мира», он задавал императивы поведения, формировал идеалы и ценности, которыми руководствовалось древнерусское общество.

2. Особый, избраннический статус нищих, убогих, бедных людей был обусловлен христианскими представлениями о том, что нищие, убогие находятся ближе к Христу, в них видели образ самого Христа, который, согласно евангельскому мифу, не имел никакого имущества, жил в полной бедности. Раннехристианские писатели разработали целую систему образов, мотивов, сюжетов, поддерживающих высокий образ нищего в сознании древнерусского человека и внушающих читателям необходимость милосердия и нищелюбия.

5. В фольклорных жанрах с фигурой нищего, бедного, убогого человека связано множество интереснейших мотивов и сюжетов. Существующая в народном традиционно-обрядовом сознании двойственность, амбивалентность в восприятии нищего сохраняется и в фольклорных сюжетах.

6. Идея нищелюбия и милосердия постоянно актуализировалась и в общерусском литературном процессе. На протяжении Средневековья (XI–XVII в.) тема нищенства варьировалась в зависимости от умонастроений людей, менялись, переставлялись акценты в образном воплощении этой темы.

7. В литературе Переходного времени (конец XVII – начало XVIII в.) возникают инверсионные трактовки нищеты. Мир нищеты, являвшийся в Средние века всецело священным, фактически утрачивает свой мистический

смысл. Нищета становится предметом трагического осмеяния, пародирования, сатирического обличения.

Научно-практическая ценность данной работы. Результаты выполненного исследования могут стать основой при создании спецкурсов и общих курсов по истории русской литературы, для дальнейшего углубленного изучения топоса нищеты в древнерусской литературе и народной словесности, а также могут быть использованы при характеристике национальной картины мира в культурологии и этнолингвистике.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов и сообщений на научных конференциях, в том числе *международных*: «Литература в контексте современности» (Челябинск, 2002); *всероссийских*: «Вторые Лазаревские чтения» (Челябинск, 2003); «Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2004); *региональных*: «Первые Лазаревские чтения» (Челябинск, 2001); «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы» (Екатеринбург, 2002); на региональной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка (Нижний Тагил, 2002); на межвузовской научной конференции «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2005).

Структура работы Диссертационное исследование состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка литературы, включающего 195 наименований и Приложения. В Приложении публикуются поучительные слова из «Евангелия Учительного» (1619) Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, а также ряд сказаний из Пролога (1642). Общий объем работы – 204 страницы.

Основное содержание работы

Во **Введении** дано обоснование темы, сформулированы основные задачи исследования, объект, предмет, цель и анализ современного состояния изученности указанного явления художественной словесности.

Первая глава **«Топос нищеты в фольклорной и христианской традициях»** посвящена изучению исторических корней образности, связанной с нищетой.

В параграфе **1.1. «Понятие нищеты в русской логосфере»** дается анализ понятий «бедность», «убогость», «нищета» в языковой картине мира русской культуры. Этимология и ранняя история указанных слов свидетельствуют, что в нищенстве присутствовал целый комплекс идей – изгойство, сиротство, убогость, бедность как результат жизненной неудачи и «нищета духа» как способ достижения христианского блаженства, путь к спасению души.

В параграфе **1.2. «Нищенство в народных воззрениях и обрядах»** на основе обзора и анализа обширного этнографического материала выявляется круг воззрений и обрядов, связанных с образом нищего в народной культуре. В представлениях о нищих людях обнаружились парадоксальные, порой взаимо-

исключающие суждения: в некоторых ритуально значимых ситуациях встреча с нищим пугала, вызывала реакцию отторжения и естественное стремление человека избежать контакта с ним (в частности, при возвращении от венца встреча с нищим предвещала молодоженам бедную жизнь). Вместе с тем, фигура нищего человека в народной среде всегда вызывала уважение и почтение, к нему тянулись, веря в его сверхъестественную силу. В целом ряде ситуаций нищий воспринимался как обладатель *магической, исцеляющей силы*, которой в языческие времена были наделены волхвы, маги и знахари; обладание тайным, эзотерическим знанием делало его обязательным участником поминальных обрядов, *нищий* осмыслялся как своего рода *медиатор, посредник* между земным миром и иным миром, миром предков; нищий нередко выступал в роли *проповедника, пророка – вестника*, сообщающего о лучших местах и увлекающего за собой группу людей и т. д. Кроме того, нищие играли важную роль в *сохранении и распространении фольклорных текстов* – народных молитв, духовных стихов, апокрифических преданий, житийной литературы, исполнение которых для них являлось формой прошения милостыни.

Милостыня была одной из основных форм сакрального и социального контакта общества с нищими. Поступки, связанные с милосердием, состраданием, сочувствием к нищим и убогим, оказание им помощи в самых разных ее видах получили исключительно широкое распространение и одобрение в народной среде.

В параграфе 1.3. «*Антиномия "нищета – богатство" в богословии*» раскрывается семантическое наполнение топоса нищеты в христианстве. Проблема отношения к материальным ценностям, богатству, бедности и нищете являлась одной из наиболее активно разрабатываемых в христианской учительной литературе. Эта тема стала объектом богословской рефлексии еще в период ранней христианской патристики. Наиболее эффектные, яркие, запоминающиеся учительные слова и поучения по этому вопросу звучали в проповедях Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Григория Богослова, Иоанна Лествичника. Сочинения указанных отцов церкви были пронизаны пафосом обличения богатства и алчности. Изначально богатство мыслилось проповедникам прочно связанным с состоянием греховности. В самом разделении человечества на богатых и бедных отцы церкви видели проявление несовершенства человеческой природы: корысть людей, по их мнению, нарушила исходный божественный замысел и привела к установлению неравенства.

Дальнейшее развитие представлений о богатстве и бедности в богословской мысли шло по пути поисков тех моделей поведения, которые позволили бы при сохранении социального неравенства (проповедники не могли требовать от каждого члена общества буквального следования на практике идеалу евангельской бедности и полного отказа от своего имущества) воплотить в жизнь идеалы отцов церкви.

Раннехристианская мораль требовала от человека бескорыстия. Конкретным его проявлением являлось каждодневное милосердие. *Милостыня* –

фундаментальная и первейшая добродетель христианства. Отцы церкви настаивали на активных, деятельных формах милостыни, призывая своих слушателей *служить бедным* и принимать нищих странников так, как если бы они принимали самого Христа.

Праведник в представлении раннехристианских писателей должен быть *бедным*. В бедности они видели своего рода благодать, которую ни в коем случае не могло принести богатство. Бедность считалась более благоприятным внешним условием для вступления в Царство Божие. Излюбленной была в связи с этим евангельская сентенция: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24).

Совершенным духовенство считало состояние, когда человек сознательно отказывался от всех земных благ, т.е. становился абсолютно нищим и таким образом проживал свою земную жизнь. *Нищета* фактически возводилась отцами церкви в духовную ценность, моральное достоинство, доблесть, которая выделяет человека из остального мира, делает его «избранныком Божиим», что должно было служить ему своего рода моральной компенсацией за все земные невзгоды. *Нищета вольная*, т. е. нищета как следствие сознательно выбранного жизненного пути, который внешне выражался в отказе от всех земных благ, немислима была и без так называемой «*нищеты духа*» – состояния, которое для любого христианина было вожаденнее всех сокровищ мира. Именно «нищим духом» обещал Иисус Христос в Нагорной проповеди «Царство Небесное» (Мф. 5:3).

Размышляя над смыслом библейского выражения «нищие духом», раннехристианские писатели единогласно указывали на то, что состояние «нищего духом» предполагает прежде всего смирение. Внутренняя форма слова «смирение» в древнерусском языковом сознании была связана с понятием «меры». Следовательно, состояние *смирения* предполагало для тех, кто смиряется, нахождение собственной меры, соответствие мере, знание своей меры. Эта мера понималась христианским религиозным сознанием как низкая, лежащая ниже обычного статуса, недостаточная, ничтожная (ср.: *смѣренный* = *смѣиреный* – «недостаточный», «ничтожный», «слабый», «угнетенный», «несчастный»²). Таким образом, понятие «нищего духом» заключало в себе парадоксальное сочетание темы «низкого» и «высокого»: подлинная высота духа заключалась в смирении, признании, с одной стороны, Божественного всемогущества, а с другой – своей недостаточности, ничтожности, слабости перед Богом.

Лучший пример «нищеты духа», т.е. высочайшего смирения, кротости и самоотвержения, явил миру сам Христос: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смилив Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Послание Апостола Павла к Филиппийцам, 2:6—8). Образ смиренного Христа, воплотившегося в

---

² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 1. Ст. 764.

оболочку брэннаго чалавека, «вочеловечившегося», кротко страдающаго, не протывящегося злу стал идеалом православнаго чалавека Древней Руси.

Параграф **1.4. «Тема нищеты в проложных сказаниях»** посвящен анализу сюжетно-образнаго воплощения идей милосердия, нищелюбия, сострадания к ближнему в проложных сказаниях. Пролог – древнерусский учительный сборник, содержащий жития святых, расположенные в соответствии с днями их церковной памяти, а также назидательные рассказы и поучения. Первоначально Пролог был переведен с греческаго (первая пол. XII в.) как необходимое пособие при богослужении, но уже с середины XIII века пополнился множеством помещенных в него рассказов и поучений, благодаря чему превратился в своеобразную православную энциклопедию, утратил значение книги узкоцерковнаго обихода и стал одной из любимейших книг древнерусскаго читателя. Условно можно выделить два типа проложных сюжетов, повествующих о милосердии и нищелюбии героев.

К первому типу относятся сюжеты, герои которых благочестивы и милосердны по своей сути, деятельное милосердие и нищелюбие – их осознанная и последовательная позиция в жизни. Таков некий купец (28 октября), который, стремясь вылечить убогаго друга, заболевшаго проказой, не щадит своего ребенка – убивает его, чтобы его кровью намазать раны больнаго. За любовь к ближнему он награжден свыше: его ребенок остается жив. Таков преподобный Маркиан (10 января), который на просьбу о милостыни убогаго, «не помедливъ ни отречеся, но всѣмъ сердцемъ послушавъ, и утаився всѣхъ, иде в сокровенно мѣсто и совлекъ свиту свою, даде нищему, и бысть нагъ, токмо въ фелонъ одѣянь».

Ко второму типу относятся сюжеты, герои которых приходят к милосердию в результате серьезных жизненных перипетий. Только пройдя ряд испытаний, эти герои осознают необходимость следования евангельским заповедям сострадания, милосердия, нищелюбия. Показательна в этом смысле притча о жестоком Петре-мытаре (22 сентября), не помиловавшем ни одного нищаго. Внутреннее преображение героя становится возможным только после его тяжелой болезни, после которой Петр совершенно изменил свою жизнь: «и оттолѣ бысть он милостивъ и раздая все имѣние свое нищимъ и рабы свободы» и, наконец, сам продался в рабство.

Евангельские поучения о милосердии и нищелюбии, представавшие в Прологе не в отвлеченной форме, а в форме таких коротких занимательных рассказов-притч, своеобразных «примеров из жизни», несомненно, сильнее воздействовали на сознание читателей, слушателей, надолго оставаясь в их памяти.

Во второй главе **«Образное воплощение нищеты в жанрах фольклора»** рассматриваются мотивы и сюжеты, связанные с фигурой нищаго, беднаго, убогаго чалавека в фольклорных жанрах.

В параграфе **2.1. «Обездоленные и нищие герои в сказках»** проанализированы образы нищих героев в волшебных и бытовых сказках. Отмечается, что

в волшебных сказках нищие герои существуют в двух ипостасях. С одной стороны, это *обездоленные персонажи* – сирота, младший сын, гонимая падчерица. Бедность, голод, унижения, которые претерпевают эти герои, – своего рода проверка, необходимый элемент обряда инициации (посвящения). Герои проживают лиминальное (пороговое) состояние, и, только пройдя через эту как бы временную смерть или через состояние близкое смерти, они воскресают, причем воскресают уже в другом, новом качестве: они обретают новый облик и новый социальный статус в сообществе. После целого ряда испытаний прекращаются, к примеру, мучения младшего брата: он обретает жену, а вместе с ней и богатство: «и стал Иван жить да поживать, а богат так стал, что и царь ему завидовал. После смерти тестя он стал царем, и не было царя богаче и добрее его» (Онч. № 155); счастливой становится гонимая падчерица, поскольку выходит замуж и, следовательно, переходит в другой род, получает положение в социуме: «присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет» (Аф. № 95).

Иная ипостась нищего героя в волшебной сказке связана с образом *нищего старца* (как правило, это нищий старик, старец, реже – нищая старуха). Нищий старец в сказке является магическим покровителем, следящим за соблюдением родовых законов. В случае их несоблюдения он зачастую выступает в качестве *обличителя, носителя высшей правды, восстанавливающего нарушенный нравственный закон*. Именно в такой функции выступает старик-странник в сказке «Жадные сыновья», записанной Н. Е. Ончуковым (Онч. № 280). Сюжет сказки разворачивается стремительно: три сына делят, никто из них не хочет брать престарелую мать, они живут вместе, едят вместе, «а ни который мать за стол не садит». Приходит в избу «старицек», он слышит, как старуха восклицает: «Господи, хоть бы мне смерть послал». Старик предлагает братьям продать ему мать. Сыновья очень рады. Они выводят ее, «двое под руки, третий сзади» за забор, и когда хотят отпустить руки, то не могут этого сделать: «старуха к ним приросла. Забрали их всех в богадельню, сами едят и матку кормят». Нищий старец в данном случае своего рода «лакмусовая бумажка»: он совершает провокацию, «тестирует» братьев на состоятельность их душ и выявляет страшное нарушение нравственного кодекса – преступление, совершенное в отношении собственной матери (а мать, как известно, символизирует род).

Связь с иным миром, обладание неким тайным знанием, скрытым от остальных героев, делает возможным появление нищего старца в пространстве волшебной сказки не только в качестве карателя и обличителя, но и в качестве *помощника, посредника, проводника и даже лекаря*. Он сопровождает героев, которым угрожает опасность, исцеляет безнадежно больных героев, дает советы и т. д. Спектр возможностей нищего старца (старухи) в оказании помощи велик, он всегда восстанавливает утраченную часть благополучного бытия. Судьбоносная функция нищего обусловлена его обездоленностью, его трудная

участь – своего рода плата, дающая ему возможность и право вмешиваться и распоряжаться другими жизнями.

В бытовой сказке создан совершенно иной образ социально обездоленного, бедного героя. Бедность героев бытовой сказки – это, прежде всего, драма, трагедия оставленности самой судьбой. Герой бытовой сказки лишен помощи сверхъестественных сил, он остается один на один со своей нуждой, горем и вынужден действовать на свой страх и риск. Бедность заставляет героя занять активную позицию и нередко толкает его на обман и плутовство. Так, герой сказки «Знахарь» (Аф. № 379), «бедный да продувной мужик», промышляет тем, что крадет лошадей, холстину и прочее и прячет их, а затем прикидывается знахарем и указывает, где найти ворованное. Слава о нем доходит до царя, у которого пропал жемчуг, кольца. Он зовет этого знахаря, испытывает его, мнимый знахарь удачно преодолевает все испытания и оказывается богато награжденным. Герой сказки «Колпак золота» (Онч. № 162) – бедный мужик, живущий «все по чужим людям в работниках», – от безысходности вступает в борьбу с самим чертом и выходит победителем в этой схватке, получив в итоге четыре воза золота. Характерно, что именно доведенным до отчаяния беднякам благоприятствует судьба, она возносит не мудрых, смиренных и кротких (ср. с волшебной сказкой), а в какой-то степени сильных и ловких, не покоряющихся своей бедности. В бытовой сказке фактически происходит инверсия образа бедного героя. Фигура бедного получает своеобразное развенчание: его магия становится сплошным обманом и надувательством, а само бедственное состояние зачастую сопрягается с плутовством и мошенничеством.

В параграфе 2.2. *«Нищая братия» в духовных стихах* рассматриваются два сюжета, отражающих психологию и житейскую философию «нищей братии» – основных исполнителей духовных стихов. Это стих о Вознесении Христа и стих о Лазаре.

«Стих о Христовом вознесении» дошел до нас в нескольких вариантах. Четыре варианта были изданы П. Бессоновым в его обширнейшем сборнике «Калеки перехожие». В композиции стиха условно можно выделить две части: первая часть стиха – своеобразная реализация рая на земле: нищие, «бедные-убогие», «слепые и хромые» получают во владение «золотую гору, «реку медовую, сады-винограды, яблони кудрявы». В стремлении наделить нищих этими атрибутами рая выразились своеобразные народные мечты о наилучшем устройстве земной жизни. Эти представления в течение нескольких веков поддерживались в народной среде целым рядом источников, среди которых наибольшей популярностью пользовались такие апокрифы, как «Откровение» Мефодия Патарского, «Житие Андрея Юродивого» и др.

Вторая часть стиха выстраивается как отрицание возможности обрести благодать на земле. Достижение рая оказывается невозможным в силу произвола богатых, в руках которых власть и могущество.

Один из наиболее авторитетных исследователей духовных стихов Г. П. Федотов видел в этом стихе «яркое отражение социального пессимизма

народа»³. Продолжая эту мысль, исследователь утверждает, что и сказание о Лазаре «запало в душу русского народа как яркое выражение социальной несправедливости, царящей в мире»⁴.

Хорошо известная евангельская притча о некоем богатом человеке, отказавшем в милостыне нищему по имени Лазарь, послужила основой для многих обработок и толкований на протяжении всего Средневековья. Своеобразную разработку сюжет евангельской притчи получил в духовном стихе о Лазаре. В сборнике стихов П. Бессонова он представлен восьмью вариантами, условно озаглавленными «Лазари», «Лазарь убогий».

В духовном стихе исходный конфликт евангельской притчи осложнен идеей родового конфликта: оба главных персонажа фигурируют в нем в качестве родных братьев, имеющих даже общее имя (Лазари), но различающихся тем, что один из братьев богач, а другой – бедняк.

Заметно трансформируется в духовном стихе и образ бедного Лазаря. Духовный стих предельно драматизирует страдания бедного Лазаря, усиливая их в ряде вариантов подробнейшим описанием конкретных телесных мук униженного Лазаря: «Науськал богатый тридцать кобелей, // *Стали убогаго рвать и терзать*». В одном из вариантов указывается еще и длительность переносимых бедным Лазарем страданий: «лежал Лазарь *семь лет во гнои*, // Пред богачовами воротами его». В своем страдании и смирении Лазарь, в представлении народа, повторяет кенотический путь Христа. Страдание Лазаря становится источником его спасения и святости, нищенством и смирением он стяжал себе Царство Небесное.

В отличие от евангельской притчи, где бедный Лазарь – тот «нищий духом», о котором говорится в Нагорной проповеди, начинающейся знаменитой максимой «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3), в духовном стихе бедный Лазарь – не просто нищий духом, он нищ еще и материально, и это очень важно для понимания специфики народного сознания. В Нагорной проповеди с понятием «нищий духом» связаны прежде всего категории страдания и смирения. Состояние «нищего духом» в контексте Нагорной проповеди не предполагает материальной нищеты, просто будучи «нищим духом», человек должен быть готовым в любой момент расстаться с материальными ценностями. В духовном стихе оказывается принципиально важным то, что Лазарь нищ материально и терпит страдания именно из-за своего бедственного положения.

Параграф 2.3. «*Образы калик переходящих в эпосе*» посвящен анализу образа калик переходящих в былинах. Среди героев русского эпоса наравне с богатырями, безусловно, нужно назвать калик переходящих – древних русских паломников, которые были не только постоянными действующими лицами эпоса,

---

³ Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 80.

⁴ Там же.

но и создали свой богатейший репертуар духовных стихов и особых «каличьих» былин. Слово *калика* – латинского происхождения, по названию специальной паломнической обуви: *cali*; *gae*. В «Толковом словаре» В. И. Даля «калика» определяется как «паломник, странник, богатырь во смирении, в убожестве, в богоугодных делах. Калика переходной — странствующий, нищенствующий богатырь»⁵. Для понимания своеобразия рассматриваемого нами феномена необходимо отметить и тот факт, что в старину на Руси слово *калика* зачастую путали с другим – *калека*. Подмена этих явлений и понятий в древнерусском быту происходила, по всей видимости, потому, что в виде «калик переходных», поющих духовные стихи и собирающих милостыню, выступали большей частью нищие слепцы – калеки, что усиливало сопутствующие им (каликам переходным) обертоны тайноведения: они – люди, от которых «сокрыто явное», но которым «открыто тайное». С фигурой калики переходной в эпосе связан целый ряд сюжетов и мотивов, свидетельствующих об особом, избранническом статусе этих героев.

Магические мотивы. Самый выразительный пример проявления магических способностей калик дает былина об исцелении Ильи Муромца. По сюжету былины чудесные странники излечивают больного, «сидящего сиднем» тридцать лет Илью. Странники эти в разных вариантах описываются по-разному: это «сиротина убогая, та калика переходная», «нища братия», «два старца незнакомых», «три старичка», «два калики переходные, переброженные». Дар пророчества, обладание чудесной, целительной силой и тайным, магическим знанием, которого не имеют, за редким исключением, даже главные герои (богатыри чаще всего являются объектами магического, чудесного воздействия, его «потребителями») – эти качества, свойственные каликам, несомненно, делают их избранными обитателями эпического мира.

Мотив передачи информации. Тайное знание, обладателями которого являются калики, позволяет им нередко выступать в роли *вестников*. Калики передают богатырю информацию о приближении врага, но сами, как правило, в сражении не участвуют. Появление калики в данном качестве сопровождается замедлением действия. Стремительный ход событий в былине приостанавливается и начинается подробное описание каждой детали каличьего убранства: «Пришел тут к ним калика переходной. // Лапатки на нем семи шелков, // Подковырены чистым серебром, // Личико унизано красным золотом, // Шуба соболиная долгополая, // Шляпа сорочинская земли греческой в тридцать пуд, // Шелепуга подорожная в пятьдесят пуд, // Налита свинцу чебурацкова»⁶. Парадоксальное сочетание в образе калики переходной богатырской мощи, с одной стороны, и странного, подчеркнуто роскошного одеяния, явно не подходящего его положению, с другой, вызвало интерес исследователей. В. Я. Пропп объяснял этот феномен влиянием самой каличьей среды, из которой, по его мне-

⁵ *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 78.

⁶ *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.* М.- Л., 1958. С. 127.

нию, «шли попытки возвеличения каличьего быта»⁷. Вероятно, появление калик переходящих в пространстве русского эпоса в столь неожиданном облике определенным образом связано с влиянием корпоративного, сословного сознания нищих, в среде которых исполнялись былины и которые, возможно, сознательно героизировали, гиперболизировали свое нищенство, странничество. В то же время нельзя не отметить, что появление калик именно в таком облике во многом продиктовано самой логикой эпического произведения. По наблюдению А. Скафтымова, «былины в своих сюжетах охвачены восторгом и мечтой об идеальных качествах героя (сила, богатырская ратная доблесть, богатство, роскошь жилища и убранства, красота наружности и костюма)»⁸. Роскошное убранство и богатырская мощь калик переходящих в определенном смысле соответствуют принятому в былине эстетическому тону и колориту идеально украшенного мира.

Травестийные мотивы. С фигурой калики переходящего связан и традиционный для былины травестийный мотив – мотив переодевания богатыря в калику, чтобы неузнанным предстать перед своим врагом. Процесс переодевания, как правило, состоит из стандартных компонентов: смены одежды и присвоения каличьего оружия (клюки, сабли, шелепуги и др.). В основе травестийного преобразования богатыря лежит свойственное средневековому сознанию представление о дуальности. Согласно средневековым представлениям мир организован как бесконечная совокупность дуальных оппозиций: «добро – зло», «верх – низ», «нищета – богатство», «правда – кривда», «левое – правое». Эпический калика переходящий появляется, чтобы вовремя помочь культурному герою (богатырю) принять облик, необходимый для победы над врагом, и тем самым оказывается вовлеченным в напряженное поле дуальной оппозиции «верха – низа».

В третьей главе «**Нищая Русь в литературе русского Средневековья**» определяется развитие художественного воплощения топоса нищеты в литературе Древней Руси конца XI–XVI в.

В параграфе **3.1. «Мир нищих и «милостивцы» в литературе XI – XIII в.»** отмечается, что образы «нищих», «бедных», «убогих» людей всегда интересовали древнерусских писателей. Произведения древнерусской литературы, позволяющие проследить этапы развития идеи, относятся к различным жанрам, как нарративным (летописи, жития), так и поучительным (послания, поучительные слова). При этом они имеют образную доминанту, соотносимую со временем появления и бытования текста.

Внимание древнерусской письменности XI – первой трети XIII в. было сосредоточено на образах «милостивцев» – князьях и святых: именно эти две фигуры олицетворяли господствовавшие общественные идеалы. Нищелюбие и

---

⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 224.

⁸ Скафтымов А. Поэтика и генезис былин // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 72.

милосердие, согласно представлению об идеале, принадлежали к числу обязательных добродетелей князя и святого.

При этом образы самих нуждающихся – нищих, убогих, бедных, немощных – присутствовали в текстах XI – первой трети XIII в. только как «вспомогательные», необходимые для характеристики главных персонажей: князей и святых. Они лишь объект милосердия, пассивные безмолвные лица, не обладающие собственными мыслями и чувствами. Понятия «нищий», «убогий», «немощный», «больной» перечислялись авторами как синонимы без дополнительного дифференцирования. Такой расширенный синонимический ряд, в который включались собственно лишенные достатка (нищие, бедные), физически ущербные (убогие, немощные, больные, хромые), а также наименее защищенные субъекты общества (вдовы, сироты и должники), довольно часто использовался в памятниках XI – первой трети XIII в., составляя своего рода устойчивую формулу, «общее место» при характеристике общества и поведения человека.

Пожалуй, единственным произведением первой трети XIII в., в котором нищета осмыслялась от лица самого нуждающегося, лишенного, обиженного судьбой и людьми человека, было произведение, которое в первой своей редакции обычно называется «Словом», во второй редакции – «Молением», Даниила Заточника. «Молению» посвящена обширная исследовательская литература, тема нищеты главного героя так или иначе затрагивалась во многих исследованиях. Для обсуждаемой проблемы существенны работы Д. С. Лихачева, Н. К. Гудзия, В. К. Соколовой, И. Н. Данилевского, в которых авторы попытались определить социальную среду, к которой принадлежал автор «Моления», жанр созданного им произведения, а также адресат.

Мы не знаем, был ли Даниил «заточен» в прямом смысле этого слова, но его страстное послание свидетельствует, что он был «заточен» обстоятельствами жизни. Он оказался нищ и убог не из-за собственного убожества, а в силу несправедливости судьбы. Заметим, что само состояние нищеты оценивается автором «Моления» не в плане христианских представлений об избранничестве нищих и доступности им Царства Небесного, а в плане земных прагматических интересов. Нищета для автора «Моления» не есть путь к блаженству, не есть обретение достоинства, напротив, с ней связаны, по его мнению, многие беды и лишения человека, «снимающие его душу». Нищета – это оскорбление и унижение для умного человека, заслуживающего иной участи. Нищета фактически вытолкнула Даниила из социальной структуры и ввергла в область «небытия», «не-жизни», хаоса.

В этом смысле тема «нищих», «бедных» людей в «Молении» Даниила Заточенного получила совершенно неожиданное, во многом парадоксальное осмысление, выделяющее этот памятник из ряда существовавших в то время житийных, поучительных сочинений, сквозным мотивом которых было прославление «нищеты» как спасительного пути к благодати.

В параграфе 3.2. *«Драма обнищания Русской земли в памятниках XIII–XV в.»* продолжается изучение развития художественного воплощения топоса нищеты в литературе Древней Руси. Отмечается, что с конца XII века усиливается процесс феодального дробления Руси. Раздробленная, разлаженная жизнь отразилась и в литературе: в памятниках конца XIII в. возникает тема «неправедного богатства», добытого в результате грабежей, «мздоимства», нападения одних людей на других. Тема «нестроений» общественной жизни наиболее яркое художественное воплощение получает в поучениях Серапиона Владимирского, выдающегося писателя, духовного наставника и просветителя своего времени. Будучи очевидцем татаро-монгольского нашествия на Русь, Серапион с горечью всматривается в нравственное оскудение оставшихся в живых после погрома и пытается осознать историческую трагедию Руси. В бедах, обрушившихся на страну и ее народ, проповедник видит божественное возмездие, Божью кару за нескончаемую вражду князей между собой, за обиды вдов, сирот, за стяжание богатства, «резомство» – ростовщичество, «всякое грабление», зависть, немилосердие. Только в подвиге покаяния, по мнению Серапиона Владимирского, возможен выход из водоворотов зла. Идея покаяния в «Словах» проповедника смыкается с идеей милосердия к нищим как спасительного пути к прощению.

Таким образом, тема нищеты к концу XIII в. расширяется до «государственных» масштабов и начинает осмысляться писателями уже не в отношении конкретного человека, но в отношении всей Русской земли. При этом образы «нищих», «бедных», «убогих» людей по-прежнему не являются объектом изображения, не получают художественного воплощения и развития у древнерусских писателей. Они возникают лишь в поучительных жанрах, в связи с моральными наставлениями, вызванными драмами времени.

На обсуждении темы нищенства Русской земли древнерусские книжники были сосредоточены вплоть до начала XV в. Сожаление о расхищенном имуществе, о потере домов и богатств являлось доминирующим настроением, проникающим во многие произведения к. XIV – нач. XV в.

В параграфе 3.3. *«Нищенство в духовных поисках православия XV–XVI в.»* отмечается возвращение древнерусской литературы XV–XVI в. к раннехристианскому идеалу нестяжания и прославления нищеты.

Тема благодати нищенского образа жизни, обязательности милосердия, нищелюбия для спасения души особое звучание получила в покаянных стихах (другие обозначения – «умиленные», «прибыльные», «добавочные», т.е. не входящие в богослужение)⁹. В ранний период покаянные стихи были своего

---

⁹ Стихи покаянные публиковались по разным спискам П. А. Безсоновым, В. Н. Перетцом, В. И. Малышевым, А. В. Позднеевым, А. М. Панченко и др. Первое систематическое описание обширного корпуса покаянных текстов содержит справочник: Ранняя русская лирика. Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII веков. / Сост. Л.А. Петрова и Н.С.Серегина. Под ред. А.А.Амосова и Г.М.Прохорова. Л., 1988.

рода «монастырским жанром»: они пелись за иноческой трапезой, во время монашеских шествий и т.п. Но в XVI веке стихи покаянные вышли за пределы монашеских обителей, снискали широкую популярность среди мирян, превратились в «личное пение» древнерусского человека.

Само название – «покаянные стихи» – говорит об их характере и тематике. Это лирические стихи, представляющие собой исповедь души, проникнутой думами о грядущей смерти, о судьбе после смерти, сердечным сокрушением и раскаянием в содеянных грехах. Слово *грех* – одно из самых частотных в пространстве покаянного стиха. Этим словом оценивалось состояние земного мира и человека, который «во гресѣхъ вѣхъ свои изжил еси». К числу *греховных, злых, недобрых дел* человека покаянный стих относил в первую очередь обиду убогого, гордыню, нелюбовь к ближнему, блуд и т. д. Покаянный стих возвышал нестяжательство и подвергал суровому осуждению собирание богатств. В момент ожидания Страшного суда состояние нищеты (прежде всего «нищеты духа») оказывалось в покаянном стихе идеальным состоянием предстояния человека перед Богом.

Тема милосердия, нищелюбия практически не становилась предметом отдельных размышлений мыслителей и писателей к. XV–XVI в. Одним из немногих писателей, которых волновала эта тема, был Максим Грек (ок.1470–1555). Мотивы нищелюбия, милосердия, нестяжания с наибольшей силой и отчетливостью звучат в его известном философском трактате «Беседа ума с душой». Из эпистолярного наследия Максима Грека особый интерес представляет его послание неизвестному, озаглавленное «Поучение съкращено всякому обуреваемому в море житейском», в котором идея нищелюбия и милосердия стала, по сути, стержневой, определяющей архитектуру послания. Размышления Максима Грека о добродетелях нищеты, нестяжания, милосердия, позволяющих обрести спасение, путь к вечной жизни, пронизывающие указанные произведения, продолжали традицию в осмыслении нищелюбия и милосердия, которая была начата древнерусской литературой в XI–XII в. В отношении к нищенству писатель был верен средневековым представлениям о благодати нищенского образа жизни, обязательности милосердия для спасения души. В дальнейшем эта тема получит новое осмысление, и позиция Максима Грека окажется наиболее близка староверам, в рукописях которых сочинения писателя будут многократно переписываться.

Четвертая глава **«Инверсионные трактовки нищенства в памятниках XVII – начала XVIII в.»** посвящена определению противоречивого толкования образа нищих в произведениях Переходного времени (XVII – начала XVIII в.).

В параграфе **4.1. «Идея нищелюбия, деятельного милосердия и служения ближнему в литературе XVII века»** отмечается, что в XVII веке идея нищелюбия, деятельного милосердия и служения ближнему чрезвычайно активно обсуждалась проповедниками, писателями, публицистами и получила

свое художественное воплощение в самых разнообразных литературных жанрах.

Мотивы деятельного милосердия, нищелюбия, служения ближнему встречаются, например, в проповедях XVII века. Показательна в этом отношении книга поучений *«Евангелие учительное»* (Рохманов, 1619) украинского проповедника, писателя, философа, печатника *Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого*. Выпуская в свет *«Евангелие учительное»*, Кирилл Транквиллион ставил перед собой в значительной мере полемические цели, связанные с размышлениями о судьбе православия в условиях борьбы между католиками, православными, протестантами, которая развернулась на Украине в конце XVI – первой половине XVII века.

Обозначая те ценности, которые важны в православии, автор *«Евангелия Учительного»* особое внимание уделяет нищим. Тема деятельного нищелюбия и милосердия является сквозной в сборнике. В своих размышлениях о сущности нищелюбия и милосердия Кирилл Транквиллион-Ставровецкий следует сложившимся в рамках святоотеческой традиции представлениям. Вслед за известнейшими проповедниками Иоанном Златоустом, Григорием Богословом, Василием Великим, Григорием Нисским, Кириллом Александрийским автор *«Евангелия Учительного»* порицает страстную привязанность к богатству и осуждает любую форму накопительства.

Видя в каждом просящем подавание младшего брата Христа, Кирилл Транквиллион призывает быть милосердными. В представлениях проповедника о милостыне важным оказывается сочетание «слова» и «дела». Милостыня немыслима для него без дела, деятельного участия в судьбе страждущего. Автор побуждает своих слушателей к активным, деятельным формам милосердия. Милостыня становится в его поучениях чередой непрерывно совершаемых дел, направленных на кормление и утоление жажды нуждающихся, облачение нагих в одежду и т.д. Сам факт ориентации писателя на деятельного, энергичного человека, способного неустанно творить милостыню – новая и чрезвычайно характерная черта литературы XVII века. По наблюдениям А. С. Демин, уже примерно с середины второй половины XVI века «началось долгое движение к формированию нового отношения авторов к своим героям»: писатели тяготели к энергичным и деятельным героям, готовым немедленно заняться выполнением своего дела, «сделать дело своими руками»¹⁰.

Сочетание новых веяний времени, выдвинувшего активного, деятельного, энергичного героя, и традиционных православных ценностей милосердия, нищелюбия, любви к Богу и ближнему получило наиболее яркое художественное воплощение в уникальном образе Юлиании Лазаревской (*«Житие Юлиании Лазаревской»*). Добродетели деятельного милосердия и нищелюбия приобрели в образе Юлиании, главной героини произведения, не свойственное им

---

¹⁰ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 99.

ранее значение. То, что в агиографии являлось, как правило, промежуточным этапом жизни героя (во многих канонических житиях мы находим сообщения, что герой раздал свое имение и затем посвятил свою жизнь некоему подвигу) в житии Юлиании становится главным содержанием подвига героини.

Идея нищелюбия, деятельного милосердия, сострадания к нищим, бедным, убогим активно обсуждалась государственными и общественными деятелями, проповедниками, писателями, публицистами в связи с вопросом о сущности и характере царской власти, являвшимся одним из важнейших вопросов для России XVII века. Потребность в осмыслении этой проблемы возникла на рубеже XVI–XVII в. Это было время, когда Русь переживала тяжелейший династический кризис. В этот период чрезвычайно актуализируется, обостряется внимание к традиционному для средневековья делению царей на «праведных» и «неправедных». Существенную черту народных представлений о «праведном», «истинном» царе составили смирение, нищелюбие, милосердие. На рубеже XVI–XVII в. появился целый ряд произведений: *«Временник»* Ивана Тимофеева, *«Хронограф 1617 года»*, *«Повесть о житии царя Федора Ивановича»* и др., авторы которых поднимали тему милосердия, нищелюбия монарха. В конце XVII в. эта тема приобрела своеобразное художественное воплощение в *«Повести о царе Аггее»*.

Анализ указанных литературных памятников показал, что понятие «гордости», «немилосердия» для православного сознания к. XVI–XVII в. оказывалось очень емким и почти всеобъемлющим для характеристики любого неистинного, немилостивого, неправедного государя, и, напротив, ипостась «праведного государя» предполагала в первую очередь «смирение», «милосердие», «нищелюбие» монарха.

В параграфе 4.2. *«Вольная» и вынужденная бедность литературных героев XVII в.»* анализируются произведения демократической литературы XVII века, в которой традиционно сакральный смысл нищеты фактически подвергается инверсии. Нищета, бедность, неустроенность становятся предметом трагического осмеяния и пародирования. Мир нищеты, босоты, наготы, лишения впервые в демократической литературе предстает глазами самих обнищавших, бедных людей. Нищие, убогие, нагие, босые, нуждающиеся люди получают в этой литературе право голоса. Демократическая литература демонстрирует самые разнообразные состояния героя, оказавшегося в бедственном положении – от бесшабашно-веселого глумления, высмеивания, вышучивания до горькой и едкой иронии бедняка над самим собой.

Так, в *«Послании сына, «от наготы гневнаго» к отцу»* обнищавший, обносившийся сын обращается за помощью к состоятельному милостивцу-отцу. Однако тон его письма не униженный, не гневный, а бесшабашно-веселый. Сын, нагой и «тощий», обращается как попрошайка, привыкший побираться и не стесняющийся своего грязного и «бурого» тела: «свитченко у меня одно, и то не бывало с плчъ давно», «хожу голь, что бурой вошь». Раешная рифма, которой написано послание, создает комический эффект, придает

тексту оттенок небылицы, балагурства, «валяния дурака» и способствует тому, что само положение обнищавшего сына не воспринимается как трагическое, безысходное.

Тема горя и «наготы», просьба о помощи, ирония героя над самим собой сближает «Послание» с *«Азбукой о голом и небогатом человеке»*, написанной в форме своеобразной азбуки. Тексты памятника дошли до нас в ограниченном количестве: к настоящему моменту известны восемь списков XVII – XVIII в. Наибольший интерес в отношении биографических подробностей, рисующих безвыходное положение бедняка, представляет список, обнаруженный Соболевой Л. С. в рукописном сборнике повестей Строгановского крестьянина XVIII в.¹¹ Герой «Азбуки» в афористичной форме излагает историю своего обнищания, из которой становится ясно, что когда-то его жизнь складывалась вполне благополучно: он жил «славно и весело», был богат и сыт, имел жизненную стабильность. Однако превратности судьбы были таковы, что практически в одночасье молодец оказался нищим: *«в феврале месяце весьма было, я был богат, а в марте месяце весь мой живот истощился, и весь пожиток изотлел»*. По осознанию героем трагического поворота, мгновенно, в течение месяца, перевернувшего его жизнь, исторгнувшего из мира богатых, благополучных людей, текст, вошедший в сборник повестей Строгановского крестьянина, отличается особой горечью. В отличие от «Послания сына, «от наготы гневного к отцу», которое изображало частную ситуацию героя, потерпевшего социальную неудачу и связывавшего все свои надежды с личной милостыней отца, «Азбука о голом и небогатом человеке» представляла социально-обобщенный тип бедняка. Сама форма толковой азбуки была своеобразной всеобъемлющей моделью «неустроенного» мироздания, в котором все плохо: от начала и до конца, от «аза» и до «ижицы».

По содержанию и тематически очень близка «Азбуке о голом и небогатом человеке» *«Повесть о Горе-Злочастии»*, анонимное произведение, сохранившееся в единственном списке XVIII века. Композиционно история жизни молодца выстраивается по модели двух равновеликих сюжетов об уходе из отчего дома: евангельской притчи о блудном сыне и жития Алексея человека Божьего. Однако если Алексей человек Божий покидает родительский дом во имя высшего спасения, то молодец, как и герой притчи о блудном сыне, уходит из дома ради своеволия – *«хотѣлъ жити, какъ ему любо»*. Герой решается выстраивать индивидуальную судьбу, однако жизнь молодца по своим правилам не складывается. Поиски собственного пути в жизни приводят его к трагическому разладу с самим собой и с окружающим миром. Своего рода наказанием за пренебрежение родительскими советами и стремление жить на свой страх и риск становится социальная несостоятельность, крайняя нищета, «нагота».

---

¹¹ См.: Соболева Л. С. Проблемы человеческой судьбы в рукописном сборнике повестей Строгановского крестьянина XVIII в. // Народная культура Урала в эпоху феодализма. Свердловск. 1991. С. 8–33.

босота» героя. В ходе повествования автор создает поразительно рельефное описание бедственного положения молодца.

В параграфе **4.3. «Негативное восприятие нищенства писателями прогосударственного направления»** рассматривается государственная политика в отношении нищих, осмысляется позиция писателей прогосударственного направления по данному вопросу. Отмечается, что в XVII веке проблема нищенства становится одной из существенных в жизни русского общества. Возникшее в XVII веке огромное число деклассированных, обнищавших людей представляло немалую опасность для властей, феодалов. Нищие являлись своего рода «бродильным элементом общества», расшатывающим государственную стабильность, и потому требовали насущного и быстрого разрешения проблемы их социального устройства. Реформы в отношении нищих были задуманы еще при царе Федоре Алексеевиче. На обсуждение собора 1681–1682 г. царь вынес указ, по которому велено произвести «разборку» московских нищих: тех, кто действительно не может работать по причине дряхлости и убогости, содержать за казенный счет в особом приюте, а «здоровых лентяев поставить на работу». Несмотря на то что выполнение этого указа было остановлено, как полагают исследователи, из-за внезапной смерти царя Федора, указ был поистине уникален: он свидетельствовал о формировании нового отношения к нищим. Если в Средние века мир нищеты был всецело священным, то к концу XVII века он фактически утрачивает свой мистический смысл, появляются первые сомнения в святости нищих. Они перестают считаться «братьями Христовыми» и особами, для государства неприкосновенными. Государство отныне считает себя вправе вторгаться в эту сферу жизни общества, до того бывшую исключительно в ведении церкви.

Ко времени царствования Федора Алексеевича относится появление обширного сочинения *«Слово о милости»* (70-80-е гг. XVII в.), сохранившегося в нескольких списках и принадлежавшего ученику Епифания Славинецкого, чудовскому иноку Евфимию. Определяя милосердие как «полезное зерно на ниве сердец человеческих», Евфимий призывал к деятельному милосердию и состраданию. Автор рассматривал многочисленные варианты людского страдания, требующие поддержки и помощи, но, касаясь вопроса раздачи милостыни, проповедник фактически опровергал господствовавшее на Руси мнение, что следует подавать всякому, кто просит именем Христа, и настаивал на дифференцированном подходе ко всем нуждающимся. По мнению Евфимия, подача милостыни профессиональным нищим – он называет их «тунеядцами», «гуляками скитающимися», «леностными гуляками», «лживыми просителями», «блудниками и пропойцами» – делает подающего «общником греха» и умножает «леность» попрошайек. Размышления Евфимия и о милосердии, и о самих нищих в определенной мере предвосхитили петровское время, в котором впервые за всю историю существования института нищенства борьба государства с нищими приняла открытые и непримиримые формы.

Репрессивные меры Петра, стремившегося искоренить нищенство, фактически грубо разрушали традиционную систему представлений о нищете, формировали основы нового ценностно-осуждающего отношения к нищенству. Своего рода итогом, обобщающим и закрепляющим узаконения Петра в отношении нищих, стал вошедший в состав *Духовного регламента* (1720) указ о борьбе с нищенством от 25 января 1721 года, в котором впервые вопрос о милостыне как общественном зле ставился перед духовными лицами. Регламент Духовной коллегии был написан по просьбе Петра Феофаном Прокоповичем (1681–1736) – выдающимся проповедником-публицистом и государственным деятелем. По форме и по содержанию этот указ скорее напоминал публицистический памфлет. В нем было больше критики и обличений, чем собственно конкретных постановлений и решений в отношении нищих. В этом указе нищенство предстало во всех своих самых неприглядных сторонах и получило крайне негативную оценку, которая усугублялась еще и тем фактом, что она была дана духовным лицом – православным архиереем. Нищенство явилось в нем исключительно злой, дикой, необузданной, безнравственной, разрушающей государственный порядок стихией.

Несмотря на все правительственные мероприятия, неоднократно предпринимавшиеся в течение всего XVII века и закончившиеся репрессивными мерами Петра в начале XVIII века, в русском менталитете сохранилось то сакральное отношение к нищим, которое разрабатывалось древнерусской культурой веками.

В **Заключении** кратко формулируются основные выводы диссертации, отмечается актуальность темы для русской литературы XVIII–XX в. Так, в литературе XVIII века обнаруживается немало попыток противостоять тому негативному отношению к нищете, которое было характерно для писателей прогосударственного направления конца XVII – начала XVIII столетия. С резкой критикой отрицательного отношения к частной благотворительности, к милостыне выступали, например, масоны (князь И. В. Лопухин, А. Е. Лабзина). В литературе XIX века тема «нищеты» как очищающем душу страдании возникает в романах Ф. М. Достоевского, как символ праведности души героя она появляется у Н. С. Лескова, в драматургии Л. Н. Толстого добровольная «нищета» осознается героями как утоление духовной жажды, как очищение, искупление греха. В литературе XX века наиболее яркое художественное осмысление эта тема получила в творчестве М. Горького и В. Г. Короленко. Люди социального дна, отщепенцы общества, неудачники, бродяги и босяки – оба писателя отдали дань этой теме и разработали целую галерею подобных образов. Необычно и во многом парадоксально проявилась эта тема в творчестве уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, которого также интересовал тип человека деклассированного, выбитого из привычной среды, утратившего определенный социальный статус. Нищие, странники, калики, паломники к святым местам являлись характерными персонажами ранней поэзии С. А. Есенина и С. Клычкова. В творчестве обоих поэтов отразились архетипические свойства русского на-

ционального характера с его своеобразным восприятием нищенства, странничества, бродяжничества как протеста и в то же время как одной из форм духовного поиска.

Итак, проблема «нищеты» как социальная и духовная проблема, несомненно, была одной из самых актуальных в жизни русского общества. В разные времена она приобретала различные звучания, открывались новые аспекты в ее осмыслении. Однако, при всей своей актуальности, рассмотренная нами тема еще не получил достаточного внимания в современной русской гуманитарной науке. Дальнейшая реконструкция глубинных представлений, связанных с феноменом нищенства, может дать богатый и очень интересный материал, помогающий раскрытию особенностей самосознания русского человека, пониманию духовного климата, господствующего в русском обществе.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

1. Нищая Русь в литературе конца XI– начала XV в. // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. Гуманитарные науки. Вып. № 12. Екатеринбург, 2006. С. 224–236.
2. Категории богатства и нищеты в русской словесности // Первые Лазаревские чтения: Тез. региональной научно-практ. конф. 21–23 ноября 2001. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. С. 64–66.
3. Нищета как духовное очищение и социальная драма // Литература в контексте современности: Тез. Междунар. научно-практ. конф. 25–26 февраля 2002. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. С. 35–39.
4. Мир нищих в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. Материалы регион. науч. конф. 23–24 октября 2002. – Нижний Тагил: Изд-во НГПИ, 2002. С. 30–32.
5. Русская национальная традиция осмысления «нищеты» в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: Материалы научно-практ. конф. 4–5 ноября 2002. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 71–74.
6. Статус и функции нищего в народной культуре // Вторые Лазаревские чтения: Материалы Всероссийской науч. конф. 21–23 февраля 2003. – Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2003. С. 243–247.
7. Фигура нищего в народной культуре: смысл и функция // Человек в мире культуры. Сб. материалов межвуз. науч. конференции молодых ученых. 16 марта 2005. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005. С. 85–87.
8. Нищелюбие как основа праведности царской власти в памятниках литературы XVII в. // Дергачевские чтения – 2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конф. 2–3 октября 2004. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 114–120.

Подписано в печать   Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская.   Усл. печ. л. 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ №   Печать офсетная.
Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ.